

**АԢСНЫ АԢЦААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА
Д.И. ГӘЛИА ИХЪЗ ЗХУ АԢСУАԢЦААРАТӘ ИНСТИТУТ**

**АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д.И. ГУЛИА**

АԢСУАԢЦААРА АБХАЗОВЕДЕНИЕ

**Археология
АԢоурых
Аетнология**

**Археология
История
Этнология**

**Атыжьра
X
Выпуск**

**Аќәә – Сухум
АБИГИ
2016**

ОГЛАВЛЕНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

А.И. Цыпуа, А.Иу. Скаков

Цъантыхәтәи ацсыжырҭа

7

З.Г. Хондзия

Раннеантичный могильник в посёлке Тасракуа

19

Д. А. Канделаки

Древности Гагрского района Абхазии

22

Р.М. Барцыц

Предметы украшения из раскопок храма в селе Лдзаа,

1989–2013 гг.

32

Н.Н. Гончарова, Е.Г. Кокоба

Обобщенный портрет как источник антропологической информации

(на примере абхазских студентов)

37

ИСТОРИЯ

В.А. Ньюшков

Цебельдинская культура в историко-культурном контексте

позднеантичного мира

46

В.А. Ньюшков

ЦЕБЕЛЬДИНСКАЯ КУЛЬТУРА В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО МИРА

В эпоху начавшегося очередного Великого переселения народов в IV в. народы и племена, проживавшие на евразийских просторах, пришли в движение. Этот процесс сильно изменил этно-территориальное аборигенное пространство не только в Восточной Европе, но и затронул тот регион Северного Кавказа, где обитало родственное абхазскому адыгское население. Как известно, «Евразийская Степь практически постоянно в течение более 2500 лет выталкивала и перемешивала различные, как правило, кочевые этносы. Северо-Западный Кавказ, будучи Западной окраиной Евразийской степи, был затронут почти всеми этими коллизиями»¹. Подкуранные катакомбы и подбои, равномерно распространённые в долинах Северного Кавказа, с первого века нашей эры уже свидетельствуют о проникновении из евразийских степей ираноязычных кочевников².

В это же самое время, вслед за готами, у кавказских границ Римской империи появился более грозный противник – это гунны. В связи с этим охрана важных перевалов через Главный Кавказский хребет теперь приобрела для Рима особо важное значение и составляла одну из главнейших обязанностей римского гарнизона в Западном Закавказье (особенно на период Великого переселения народов).

Таким образом, складывавшаяся на то время тревожная обстановка вела, само собой, к вооружению народа. Об этом свидетельствуют археологические данные с некрополей Цабала, Шапки и др. некрополей Цебельдинской культуры. Согласно статистическим данным на территории

¹ Гудаков В.В. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времён до 60-х годов XIX века. СПб., 2007. – С.59.

² Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Археология СССР. М., 1981. – С.88.

исторической Апсилии было «исследовано около 100 воинских захоронений V–VIII вв.»¹. Что же касается распространения в местной среде оружия, то оно, скорее всего, было связано, с влиянием «варваризированной римской армии, занимавшей прибрежные опорные пункты на Черноморском побережье Кавказа»². Примером этому могут послужить сведения из ранневизантийских источников. В них, в частности, отмечается, что римские ветераны расселились в значительном количестве среди абасгов.

Так, принято считать, что Цебельдинская археологическая культура³ являлась по своей сути самобытной, своеобразной, отличающейся целым рядом совершенно неповторимых черт, отсутствующих или нехарактерных для любой другой области за пределами Абхазии. Своё отражение она получает в целом ряду специфических для этой культуры вещей. Это одноручные и двуручные глиняные кувшины с чашеобразными венчиками, орнаментированные амфоры также с чашечкообразными венчиками, женские и мужские украшения из бронзы, серебра, золота, железа и т.д. В итоге, как считал ещё М.М. Трапш, наиболее важной и специфической особенностью Цебельдинской культуры, четко выделявшей ее из всего окружения и указывающей на ее самостоятельный характер, являлась определенная группа керамической посуды, а также железные топоры, указывавшие на локальную особенность Цебельдинской культуры⁴.

Вместе с тем, изучая некрополи Цебельды, мы видим, что обитатели данного района Апсилии не были отгорожены от остального мира и, наряду с местными, использовали вещи, попадавшие и в результате происходившего за Кавказским хребтом в это время активного перемещения народов, ведущих кочевой образ жизни. Уже со второй половины II века происходит продвижение «кочевников на юг и юго-восток Северного Кавказа»⁵. Они оседая на территории предгорно-равнинной зоны, мог-

¹ Воронов Ю.Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // Проблемы истории, филологии и культуры. Т. XII. М.-Магнитогорск, 2002. – С.340.

² Казанский М.М., Мاستыкова А.В. Эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. XXV Крупновские чтения. Владикавказ, 2008. – С.175.

³ Данная культура была названа по месту концентрации археологического материала, т.е. Цебельдинской, по району главного проживания апсилийского населения. Это понятие прошло апробацию в исследованиях многих абхазских учёных и не только. По существующей точке зрения одними (М.М. Трапш, З.В. Анчабадзе и др.) представлялось, что могильники Цебельдинской культуры оставлены древнеабхазскими племенами абасгов и апсилов, другие (Ю.Н. Воронов, Г.К. Шамба, О.Х. Бгажба и др.) отстаивают их исключительно апсилийскую принадлежность.

⁴ Трапш М.М. Некоторые итоги раскопок цебельдинских некрополей в 1960-1962 // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Т.33. Сухуми, 1963. – С.258.

⁵ Чеченов И.М. К проблеме периодизации ранней истории тюрок Северного Кавказа (I тыс. н.э.) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971-2006. М., Ставрополь, 2008. – С.775.

ли оказывать влияние на материальную культуру населения Цебельды, особенно в период Великого переселения народов, и в результате прохождения торговых путей через Апсилию, в том числе, через её главные крепости Цибилиум (Цабал) и Шапки в VI в., когда Северо-Западный Кавказ находился в фокусе интенсивной международной торговли, которая осуществлялась по развитой системе путей и горных перевалов¹. Да и сам археологический материал Цебельдинской культуры, засвидетельствованный на Северном Кавказе (Теберда, Нальчик и др.), указывает на имевшиеся широкие культурные и торговые связи населения, проживавшего по обе стороны Кавказского хребта.

В результате инфильтрационных потоков, взаимодействие не всегда этнически однородного населения, проживавшего по обе стороны Кавказского хребта, исключать нельзя; переселения отдельных семей на Северный Кавказ могли уже быть, начиная с первых веков нашей эры, а «уровень развития автохтонных народов способствовал установлению продолжительных контактов в различных сферах общественной жизни». Например, в верховьях Кубани разнотипные археологические памятники располагаются вперемешку, что может свидетельствовать об определённой этнокультурной интеграции в этом районе Северо-Западного Кавказа².

По всей видимости, географические условия, как отдалённость, сложность горного рельефа и т.д. не являлись серьёзным препятствием для межкультурной сплочённости носителей разных по существу, но близких по этническому признаку культур. Пример тому, материалы из Сочинского района. Там, по последним данным, в III–IV вв. местное население – саниги имело непосредственные связи с носителями Цебельдинской культуры. Свидетельством чему являются аналогии в керамике, известной из ряда разрушенных погребений в районе Красной Поляны, а также и параллели в оружии: мечи, копья, удила. «Всё это находит ближайшие соответствия в вооружении Цебельдинской культуры», т.е., как считают И.О. Гавритухин и А.В. Пьянков, «доступные нам отрывочные материалы из Сочинского района позволяют говорить о связях местного населения с носителями Цебельдинской культуры в III – IV вв.»³. В частности, на Красной Поляне был найден глиняный кувшин, изготовленный в апсильской мастерской в IV–V вв., указывающий «на реальные связи санигов с апсилами»⁴.

¹ Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975. – С.124.

² народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. М., 1988. – С.111.

³ Гавритухин И.О. Пьянков А.В. Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья (IV–XIII вв.), из серии «Археология». М., 2003. – С.190.

⁴ Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времён до наших дней. Сухум, 2007. – С.93

Не приходится сомневаться в том, что, судя по вещественным источникам, носители Цебельдинской культуры всегда имели более широкие этнокультурные региональные, не ограниченные во времени и пространстве связи, находясь в общеисторическом, культурном конгломерате происходивших в циркумпонтийской и средиземноморской зоне различных событий. Так, согласно О. Гей и И. Бажану, «подобные географические условия: с одной стороны – изолированность от внешнего мира, с другой – территориальная близость к понтийскому лимесу, создавали предпосылки для развития здесь высокой самобытной культуры (*т.е. Цебельдинской – В.Н.*), причудливо впитавшей в себя разнородные влияния»¹. Тем самым, эти исследователи, разбив на три хронологические ступени материалы цебельдинских некрополей, проводят последовательную по времени аналогию материалов Цебельдинской культуры с памятниками Крымского п-ова (Инкерман, Ай Тодор и др.), Черняховской, Вельбарской культур. Они исходят из того, что все эти культуры, резко различные по своей окраске, так или иначе были связаны с Римской империей «и вовлечены в общий поток ключевых исторических событий на западных и восточных границах империи, отразившихся и в памятниках археологии». Например, акцент делается на появлении германского и римского оружия, украшений и др.² на фоне общей провинциально-римской унификации материальных культур, куда была вовлечена и Цебельдинская культура. Присутствие такого разнородного оружия в могилах апсиллов может свидетельствовать о их раннем включении в военную систему римско-византийской империи.

Между тем, на общее происхождение Цебельдинской и Черняховской культуры, прослеживаемое в вещах, обратил внимание ещё в своё время также М.М. Трапш. По его мнению, «наряду с позднеантичными и сарматским культурными элементами в Цебельде встречены также вещевые находки, связанные по своему происхождению с Черняховской культурой, представленной на территории современной Украины, Молдавии и далее на Западе, развивавшейся одновременно с Цебельдинской культурой в эпоху Великого переселения народов»³. Можно говорить, что типологически некоторые железные кузнечные изделия (особенно предметы вооружения), а также бронзовые украшения (фибулы, пряжки) близки к синхронному инвентарю Цебельдинской культуры⁴. Надо заметить, что обе эти культуры (Цебельдинская и Черняховская), сохраняя тесные экономические и культурные связи с позднеантичной цивилизацией, находи-

¹ Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997. – С.9.

² Там же. – С.52.

³ Трапш М.М. Культура цебельдинских некрополей. Труды: В 4-томах. Т.3. Тб., 1971. – С.217.

⁴ Бгажба О.Х., Лакоба С.З. Указ. раб. – С.101.

лись в культурном пространстве Римской державы и примыкавшего к ней Барбарикума. Отсюда, встречающиеся в некрополях Цебельдинской долины инородные по своему происхождению, отмеченные выше, предметы «профессионального» вооружения, такие как щиты с металлическими умбонами и рукоятями, бусы, чаще мозаичные или каменные, лежавшие у большинства цебельдинских мечей (V–VI вв.), распространенные сначала у кочевников Восточной Европы, а с Vв. – по всей Европе. Следовательно, общеевропейская мода «эпохи переселения народов» была воспринята не только дунайскими или боспорскими, но и апсильскими воинами¹ из числа привилегированного дружинного сословия.

Между тем вызывает сомнение предложенная М.М. Трапшем, на основании анализа погребального инвентаря и привлечённого сравнительного материала из разных областей Кавказа, Крыма и всего степного юга бывшего СССР, датировка существования цебельдинских некрополей II–V вв. н.э.², так как она не только не соответствует в хронологическом плане апсильским материалам VI–VII вв., но и суживает по времени общекультурную тенденцию развития Цебельдинской культуры уже в ранневизантийский период с его более широкими торговыми связями (напр. Великий Шёлковый путь). Таким образом, заключительный этап периодизации, предложенной М.М. Трапшем, отмечает А.А. Амброз «получает более позднюю дату» в свете новых данных³ и уже датируется по А.А. Амброзу, Ю.Н. Воронову⁴, а также Ю.Н. Вороновым и О.Х. Бгажба⁵, М.М. Казанским и А.В. Мاستыковой⁶ и др. VI–VII вв.

Общеизвестно, что Кавказ, находясь в сфере геополитических интересов римско-византийского мира, имел самые широкие торгово-экономические связи, которые, в свою очередь, повлияли на концентрацию римского и позднее ранневизантийского импорта (в том числе оружия) на данной территории Евразии. Неслучайно «в своих основных чертах боевое снаряжение апсильов тесно смыкалось с комплексом вооружения, складывавшегося в этот период под непосредственным влиянием римско-византийского культурного мира на огромной территории от Западной Европы до Передней Азии включительно»⁷. Основу же апсильского войска, судя по всему, составляла пехота, вооруженная короткими кинжалами, луком, копьем, мечами, ножами и боевыми метательными топорами.

¹ Воронов Ю.Н. Указ. соч. – С.95.

² Трапш М.М. Указ. соч. – С.218.

³ Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М., 1989. – С.16.

⁴ Воронов Ю.Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.)... – С.336.

⁵ Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Главная крепость Апсолии. Сухум, 1986. – С.48.

⁶ Казанский М.М., Мастыкова А.В. Указ. соч. – С.173–178.

⁷ Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982. – С.121.

В этой связи следует отдельно остановиться на «цебельдинских» топорах, получивших своё название по месту их первоначальной находки. Самые ранние относятся к эпохе второй половины IV и первой половины V в. Они интересны тем, как ещё заметил Б.А. Куфтин, что по своей форме обнаруживают сходство с топорами позднеримского времени в Германии и Богемии¹. Так, в частности, по мнению М.М. Казанского, «цебельдинский» топор соответствует позднеримской форме². «Цебельдинские» топоры, имеющие военное предназначение, сами по себе использовались как универсальное оружие, реже – в хозяйственной деятельности. Внешнее и функциональное соответствие апсильских и франкских топоров той же эпохи, а также интересный факт распространения сходных форм топоров (их прототипом вполне мог быть римский топор) на обширной территории вдоль границ Римской империи от Кавказа до Бельгии, позволяет предполагать в основе формирования цебельдинских топоров те же закономерности, которые обусловили общность и многих других изделий на варварской периферии позднеримского и ранневизантийского мира (умбоны для щитов, поясные наборы, уздечки и др.)³.

Не меньший интерес также представляют позднеримские мечи (короткие и длинные) из сварочной дамасской стали, найденные в местных захоронениях древнеабхазских воинов. К самым ранним для территории бывшего Советского Союза можно отнести 5 экземпляров мечей III–IV вв., исполненных виртуозной техникой сварочного дамаска (дамасская сталь) – вершиной ручного кузнечного ремесла. Судя по анализам сделанных находок, в Абхазии «каждый второй древнеабхазский воин был вооружён подобным мечём»⁴. Их, несомненно, широко использовали в ирано-византийских войнах. Из 10 исследованных мечей из разных регионов Абхазии 5 оказалось из «дамасской стали» (Цабал)⁵. Всё это указывает на сильную военизацию мужской части апсильского общества в римско-византийскую эпоху. Наличие данного оружия у местного населения также может означать, что оно составляло гарнизоны кастеллов, если учесть, что образовавшаяся напряжённая ситуация вокруг Аpsилии способствовала вооружению этого же населения.

Здесь же стоит заметить, контакты между обитателями Цабала (Цебельды) – апсильцев с носителями римской культуры происходили не только в центрах концентрации римских воинских частей – в Питиунте и в Себа-

¹ Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Памятники села Герзеул. Сухуми, 1980. – С.15.

² Казанский М.М. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в понтийских степях // Материалы по истории, археологии и этнографии Крыма. Вып. 4. Симферополь, 1994.

³ Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Указ. соч. – С.16.

⁴ Бгажба О.Х., Лакоба С.З. Указ. раб. – С.80.

⁵ Бгажба О.Х. Мечи из «дамасской стали» в Абхазии // Известия Абхазского института языка, литературы и истории. Вып. XIII. Тб., 1973. – С.76.

стополисе, но и, вероятно, на месте строительных работ оборонного значения (сооружение крепостей, прокладка дорог) в долине Цабала, которая была стратегически важным районом на подступах к перевалам, связывающим побережье Понта с Северным Кавказом¹. Поэтому, происходившая внутренняя «милитаризация» апсиров, надо полагать, римлян не сильно тревожила, тем более, что ещё со времён императора Траяна в римских войсках служили и кавказцы². И после Диоклетиана, вернее его военной реформы им даже платили, судя по письменным источникам.

В этой связи, будет уместно сказать о организованной системе обороны восточной границы, которую В.А. Левкинадзе выделил в особый лимес и дал ей название «Limes Ponticus («Понтийский лимес»), по аналогии с лимесами в других регионах империи³. Так, обычно лимесом (*лат. Limes*), чаще всего, называют пограничные оборонительные сооружения в области между Рейном и Дунаем (в Центральной Германии) и между Дунаем и Черным морем (в Добрудже)⁴. В.А. Левкинадзе полагал, что его главной функцией была защита морских коммуникаций в Черноморском бассейне⁵. В то же время сами римляне не использовали данное понятие, т.е. «Понтийский лимес». Тем не менее, оно прижилось в литературе, им пользуются О. Лордкипанидзе, Х. Бракманн, Д. Браунд, другие же авторы, например, К. Цукерман, Н. Ломоури не согласны с данным понятием⁶. Вместе с тем, поскольку функции лимеса более широкие и его строительство было призвано для поддержания римского господства в Восточном Причерноморье, он, скорее всего, вместе с Каппадокийским представлял собой единую кордонную линию «Кавказский лимес», с двумя участками Понтийским и Армянским⁷. «Бесспорно, что в конце I – начале VI вв. в Восточном Причерноморье существовала сложная система прибрежных римских укреплений»⁸.

Таким образом, вершилась политика, направленная на приспособление к тактическим нуждам империи местного населения, делаясь ещё более гибкой. Так, коснувшись восстановления т.н. Понтийского лимеса, О. Гей и И. Бажан остановили своё внимание на федератах, которые приобрета-

¹ Сорокина Н.П. Стекланные сосуды IV–V вв. и хронология цебельдинских могильников // Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего Средневековья. Краткие сообщения института археологии. Вып. 158. М., 1979. – С.63.

² Аджинджал Е.К. Из истории христианства Абхазии. Сухум, 2000. – С.27.

³ Левкинадзе В.А. Понтийский лимес // Вестник древней истории. №2. М., 1969. – С.91.

⁴ Уорвик Брей, Дэвид Трамп. Археологический словарь. М., 1990.

⁵ Там же. – С.91.

⁶ Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья... – С.35.

⁷ Первалов С.М. Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов; М., 2010. – С.328; Остахов А.А., Ильюшин Ю.В. Кавказ в эпицентре внешней политики Рима на Ближнем Востоке (I в. до н.э. – III в. н.э.). Пятигорск, 2012. – С.66.

⁸ Габелия А.Н. Абхазия в прединтичную и античную эпохи. Сухум, 2014. – С.372.

ют особое значение при Галлиене (*римский император, сер. III в. – В.Н.*), в связи с его военными реформами. По их предположению, «федератами становится и население Цебельды, главной задачей которого было контролировать стратегически важный район на подступах к перевалам, связывающим побережье Понта с Северным Кавказом»¹. Правда, некоторые исследователи этот политический процесс относят к несколько позднему времени. Так, по мнению М.М. Казанского, быстрому распространению новых типов оружия в среде местного населения, «несомненно, способствовало включение санигов, абасгов и апсилов в систему обороны Империи, видимо, не позднее первой половины IV в. в качестве «народов – клиентов», выполнявших функции первой линии обороны понтийской границы Рима»². Согласно же данным позднеантичного источника «Нотиция Дигнитатум», местные восточнопричерноморские племена также защищали империю вдали от своих родных мест. В конце III века существовало состоявшее не менее из 300 всадников отдельное воинское кавалерийское соединение абхазов, входившее в состав византийской армии «*Ala prima Abasgorum*» («первое абхазское крыло»), которое квартировалось в Египте, в Хибеосе, в Большом оазисе для обороны этой территории»³.

Можно констатировать, что носители самобытной Цебельдинской культуры Апсилии позднеантичного времени, как и носители периферийных аборигенных культур Северного Кавказа, Восточной и Западной Европы (конец I – начало V вв.) были вовлечены в общий поток тех культурных импульсов, что исходили главным образом от Римской империи, являвшейся распространительницей, в частности, новых видов оружия, что, в свою очередь, наложило определённый отпечаток на их формирование, сближая их в одну общую культурную среду позднеантичной цивилизации римско-византийского образца. В то же время, особые географические рельефные горные условия создали тот благоприятный климат, при котором этническая история и этнокультурная среда апсилов (оставаясь гомогенной) с начала н.э. стали развиваться без потрясений, на основе своего внутреннего производственного потенциала с самыми широкими международными торговыми связями.

¹ Гей О.А., Бажан И.А. Указ. соч. – С.21.

² Казанский М.М. Позднеримская /ранневизантийская армия и Западный Кавказ // Древний Кавказ: Ретроспекция культур. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. М., 2004. – С.89.

³ Хотелашвили (Инал-ипа) М.К. Страницы военной истории абхазов // Абхазоведение (историческая серия). Вып. III. Сухум, 2004. – С.169.